

Мудрено и трудно жить просто

Обломов и Штольц сегодня

В 2024 году исполняется 165 лет с даты первой публикации «Обломова». Роман вышел в 1859 году в нескольких номерах журнала «Отечественные записки» (№ 1–4), а в сентябре того же года был напечатан отдельным изданием.

Примечательно, что последний роман И.А. Гончарова «Обрыв» также увидел свет в номерах крупного столичного журнала («Вестник Европы», № 1–5, 1869). Два великих романа разделяет всего 10 лет, но они вместили столько исторических событий и социокультурных изменений, что можно сказать: произведения принадлежат к разным эпохам. По словам И.А. Гончарова, в «Обломове» он отразил картину Сна. «... далее, – отмечал писатель, имея в виду «Обрыв», – за обломовским хребтом <...>, мне открывалась дальнейшая... перспектива: это картина Пробуждения».

«Имя Ильи Ильича Обломова известно сегодня каждому, а титульное свойство Обломова – обломовщина – вошло в обиход более чем основательно. И сколько написано и сказано про Обломова! Одну только книгу Юрия Ложица, просиявшую новым светом в понимании Гончарова, можно читать снова и снова, открывая новые дали гончаровских романов. И всё же: так ли хорошо мы знаем Обломова и взрастившую его стихию? Да и как относиться к Обломову и обломовщине сегодня, когда техническое развитие опережает порой духовное? Сердце романа в Обломовке. И, только попав сюда, в «благословен-

ный уголок земли», можно искать ответы», – заметил доктор филологических наук, лауреат Международной литературной премии имени И.А. Гончарова Иван Пытков. В XXI веке собственные ответы на эти и новые вопросы в экспозиционном пространстве Дома Гончарова ищет творческий коллектив «Драматической Антрепризы Молодых» (ДРАМ) при участии гимназии № 2.

Премьера спектакля «Мой маленький О. Моя маленькая О...» по мотивам «Обломова», или, по словам постановщиков Ярослава Щедрова и Влада Гончарова, «игра сомнений печали испуга в одном порыве без антракта» [авторская пунктуация сохранена. – И.М.] состоялась осенью 2023 года. Театральное действие было перенесено в экспозицию музея писателя и насыщено атмосферой дома, в котором родился и жил И.А. Гончаров. Такое сценографическое решение создало особую интерактивную историю в формате спектакля-бродилки, эмоционально и страстно разыгранного актёрами-школьниками в уникальных «декорациях» XIX века, созданных тематическими музейными интерьерами и коллекцией подлинных вещей писателя, его родных и его окружения.

«А что если бы Илья Обломов, Андрей Штольц и Оля Ильинская встретились раньше, чем в романе Гончарова? – сформулировал одну из сценических задач режиссёр Ярослав Щедров. – Герои совсем ещё молоды. А ещё они амбициозны и влюблены... И предлагают зрителю погрузиться в СВОЮ историю и пройти СВОЙ ПУТЬ вместе с ними. И узнать, чем болен юный Илья Ильич...». Собственному призыву последовал руководитель «Антрепризы». Режиссёр не сидел за пультом управления для решения технических задач спектакля и не наблюдал за происходящим из укромного места – он был вовлечён в действие. Зрительный зал «окружал» актёров, и внимающие происходящему свободно перемещались в музейном пространстве, порой оказываясь рядом со Штольцем, касаясь плеча Обломова или сталкиваясь в непосредственной близости с испытующим взглядом Ильинской.

Сюжетная линия нового «Обломова» спрессовалась до нескольких значимых происшествий из жизни трёх главных героев. Зритель видит момент встречи давних друзей, затем посещение ими Ильинской. Наблюдает вызванную этим визитом «игру сомнений печали испуга» в душе каждого действующего

лица. Наконец становится свидетелем драматичного финального объяснения Обломова и Штольца. При этом облик, слова, поступки персонажей постановки не противоречат романному описанию, герои наследуют важнейшие родовые черты своих литературных прототипов.

Зрителя встречает Андрей Штолец (Стас Данилов), как и романский прототип – весь составленный «из костей, мускулов и нервов», столь же решительный и скорый на суждения и действия. Он полон благих намерений вырвать друга детства из объятий лени, сна и тут же свергнуть его в водоворот событий, дел, свершений, страстей. Именно этому действующему лицу волей режиссёра приписана фраза «Надо работать, коли деньги берёшь». В тексте романа её произносит посетитель Обломова карьерист Судьбинский в следующем контексте: «– Что ж делать! Надо работать, коли деньги берёшь. Летом отдохну: Фома Фомич обещает выдумать командировку нарочно для меня... вот, тут получу прогоны на пять лошадей, суточных рубля по три в сутки, а потом награду... – Эк лютят! – с завистью говорил Обломов; потом вздохнул и задумался. – Деньги нужны: осенью женюсь, – прибавил Судьбинский». Как видно, и ему, и Штольцу улыбается удача в личной сфере, и дела устраиваются лучше некуда.

Мимолётное сближение персонажей вполне закономерно: их кипучая активность, успехи в социально-экономической сфере, вызывая мгновенную и столь же кратковременную зависть Обломова, провоцируют последнего на яркий отпор проникновению подобных элементов в размеренную, устоявшуюся, неспешную, а потому и неуспешную собственную жизненную сферу. В романе о Судьбинском: «“Увяз, любезный друг, по уши увяз, – думал Обломов, провожая его глазами. – И слеп, и глух, и нем для всего остального в мире. А выйдет в люди, будет со временем ворошить делами и чинов нахватает... У нас это называется тоже карьерой! А как мало тут человека-то нужно: ума его, воли, чувства – зачем это? Роскошь! И проживет свой век, и не пошевелится в нем многое, многое... А между тем работает с двенадцати до пяти в канцелярии, с восьми до двенадцати дома – несчастный!” Он испытал чувство мирной радости, что он с девяти до трех, с восьми до девяти может пробыть у себя на диване, и гордился, что не надо идти с докладом, писать бумагу, что есть простор его чувствам, воображению».

Несомненно, Штолец, представленный молодым актёром Даниловым, далеко не так прост и однозначен. Он не отличается железобетонностью нравов и тяжеловесностью натуры Судьбинского, но нет в нём и тёплой сердечности романного Андрея Ивановича. Отблеск глубокого внутреннего чувства, смешанного с удивлением, приправленного ревнивой озабоченностью, явлен в сцене размышления Андрея о причинах скорого пробуждения взаимной симпатии между Ильей и Ольгой: «Как просто познакомились они! Как свободно сошлись!». Ответ на этот вопрос восклицание Штолец обретёт в финале спектакля, когда вынесет соответствующий приговор своему другу, обозначив его редкую болезнь и причину несчастий наименованием «тотус»: «“Тотус” ... значит “целый”, “целый человек”». Цельность Обломова, как подсказывают литературный и

театральный контексты, есть амбивалентно заряженное качество его замечательной натуры. С одной стороны, натуры искренне и глубоко эмпатичной, с другой – абсолютно неконкурентоспособной в борьбе за личное счастье и место в социуме.

Итак, деятельное, сдобренное современным темпом жизни кипение штольцевского неутомимого естества, вера в безусловное превосходство человека действующего над человеком созерцающим чужды и новому Обломову в исполнении Ильи Бухалова.

В пятом номере журнала «Мономах» за 2020 год мы публиковали работу, посвящённую серии плакатов к выставке «Роману “Обломов” 140 лет» из фондов Ульяновского краеведческого музея. Речь идёт о 14 изображениях, написанных гуашью на бумаге размером 54x74 см. Концептуальное решение каждого графического рисунка уникально, интересно и достойно внимания.

Приведём описание одного из изображений данной серии: «Сюжетное решение плаката “Вперёд или назад???” резко оттеняет не *comme il faut* мягкой домашней обуви Обломова быstroходным штольцевским ботинкам. Поразительна “обширная профессиональная деятельность” Андрея Ивановича Штольца в романе! Его деловая жизнь всегда почти бесхлопотно успешна. Но именно этой настойчивой страсти к деланию и производству, этого жадного горения практической жизни, её финансовых, физических и прочих опасностей, грандиозных карьерных взлётов и неминуемых падений, равно как и иступлённых сердечных треволнений всегда сторо-

есть
каче-
ры. С
енне
той –
особ-
тье и

брен-
изни
оми-
вное
ству-
щую-
ову в

знала
убли-
нную
ома-
фон-
еско-
обра-
ю на
Кон-
цого
льно,
ния.

(ного
прии:
така-
рез-
мяг-
омо-
ским
шир-
гель-
голь-
изнь
пеш-
ивой
вод-
трак-
вых,
стей,
злѐ-
рав-
деч-
оро-

нился и мечтал избежать Илья Ильич». Так вот сцены морально-волевого и духовно-психологического противостояния героев в рамках спектакля «Мой маленький О. Моя маленькая О...» можно описать этой почти гамлетовской фразой «Вперёд или назад». Приём, который использовал автор плаката, позволил сквозь маленькую деталь – изображение выпадающих из общей композиции тапочек Обломова – передать глобальную уязвимость и тотальное одиночество героя, повёрнутого вспять и постоянно проигрывающего в ногу со временем идущему Штольцу (и не ему одному). В постановке Щедрова Обломов оказывается вновь не готовым противостоять своему другу-антиподу, что выражено уже на предметно-бытовом уровне: в начале действия Андрей Иванович застаёт Илью Ильича в кабинете в «неглиже» и практически вынуждает прилично одеться угрозой срочного визита к Ильинским.

Обломов не поворачивает вспять лишь от Ольги. Он даже устремляется ей навстречу, видя перед собой не только хорошенькую, развитую и талантливую барышню, но одарённую умным сердцем девушку с близким Илье Ильичу целостным взглядом на мир и человека в нём.

Философ Дмитрий Соломко настаивает: «Каждое отдельное театральное действие... есть артефакт, обладающий характеристиками сиюминутности и невозпроизводимости... Одно и то же театральное действие абсолютно повторить в принципе невозможно... Театральное действие со-бытийно. Театральное событие всегда уникально. Каждое театральное действие существует только в момент его осуществления». Формулы, предложенные учёным, применимы и к примеряемым артистами типажам. Такой невесомый, неуловимый в своей изменчивости, пластичный и гибкий образ Ольги создала внутри одного драматического действия Алия Багдеева. Вслед за Гончаровым, его персонажами-мужчинами на протяжении спектакля зритель пытается решить

задачу: «Но посмотрим, что за женщина Ольга!» Однако прийти к более-менее определённой ответу здесь вряд ли получится.

Ильинская-Багдеева иронична и в то же время осторожно пуглива, резка в ответ на недогадливость и неповоротливость Обломова и тут же нежно заботлива. Дорога, по которой суждено ей пойти, ещё не намечена, не определена. Желания не высказаны до конца. Всё маняще зыбко и ненадёжно в окружающем её мире. И она скользит между нежной симпатией мягкосердечного безвольного Обломова и требовательной любовью твёрдого непреклонного Штольца. Перед нами действует, смущается и переживает своё первое разочарование, словно более юная версия героини, совсем ещё девочка, глядящая на мир, подобно Наташе Ростовской, «блестящими испуганными глазами», «с выражением готовности на величайшую радость и на величайшее горе».

«Взаимоотношение театра и литературы, особенно литературы классической, – сложная, но в то же время интересная и во многом интригующая проблема, – отметила старший научный сотрудник музея И.А. Гончарова Антонина Лобкарёва. – Содержание романа, повести выразить сценическими средствами непросто, но спектакли по произведениям Достоевского, Толстого, Лескова широко представлены на сценах многих театров. И.А. Гончаров не стал исключением: все три романа писателя и даже книга очерков путешествия «Фрегат “Паллада”» инсценированы, давно и прочно присутствуют на репертуарных афишах театров. Теме “Романы И.А. Гончарова в театре” уделяют внимание театроведы и исследователи творчества классика». Сегодня небольшие, но яркие творческие коллективы продолжают самобытно, иронично, серьёзно, драматично и трогательно говорить о вечном, главном. Недавняя премьера по мотивам «Обломова», на наш взгляд, не стала исключением. Отдавая дань классической форме, мягко сглаживая устоявшиеся приёмы и принципы театрализации, новому поколению режиссёров-постановщиков и артистов сцены удаётся донести до зрителя своё неповторимое мироощущение, создать собственный «культурный артефакт».

Ирина Маршалова,

к.ф.н.,

заведующая сектором научной работы
Историко-мемориального центра-музея
И.А. Гончарова